

ББК 63.3(2)631-361

Е.С. Генина

«Дело врачей» в Сталинске (1953 г.)

Ключевые слова: «дело врачей», идеология, репрессии, Сталинск.
The key words: «Doctors' Case», ideology, repressions, Stalinsk.

«Дело врачей» завершило кампанию по борьбе с космополитизмом в СССР, развернувшуюся в 1949–1953 гг. С ним связаны преследования сотрудников Государственного института для усовершенствования врачей (ГИДУВ) в Сталинске (ныне Новокузнецк) Кемеровской области. Ситуация вокруг Сталинского ГИДУВа в 1953 г. уже привлекала внимание исследователей. Условия деятельности ГИДУВа проанализированы в работе В.Н. Бреля [1, с. 10–11]. В издании, посвященном 75-летию института, обзорно затронут период «дела врачей» [2, с. 6]. Влияние «дела врачей» на судьбы преподавателей института отмечено в биографиях, подготовленных Г. С. Ольшанским [3, с. 10–11; 4, с. 13–15; 5, с. 23–24; 6, с. 16; 7, с. 8–9, 13, 20–23, 29]. Роль регионального партийного руководства в «деле врачей» в Сталинске и специфика сфабрикованного уголовного дела рассмотрены автором данной статьи [8, с. 71–82; 9, с. 17–25]. В контексте собственной темы изучения позицию партийного руководства Кемеровской области в отношении событий в Сталинске обозначили С. Г. Сизов и А. Б. Коновалов [10, с. 185–186; 11, с. 136–140]. Нельзя не отметить и публикацию краткой информации о репрессиях сотрудников ГИДУВа в аннотированном каталоге, изданном на основе документов Государственного архива Российской Федерации [12, с. 18]. Но к настоящему времени отсутствует исследование, отражающее все составляющие происходившего в Сталинском ГИДУВе. Подобная постановка вопроса позволяет выявить глубинный смысл не только событий в Сталинске, но и «дела врачей» в целом.

13 января 1953 г. «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей». В сообщении говорилось о раскрытии органами государственной безопасности «террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В числе участников «группы» оказались профессор М. С. Вовси, врач-терапевт; профессор В. Н. Виноградов, врач-терапевт; профессор М. Б. Коган, врач-терапевт; профессор Б. Б. Коган, врач-терапевт; профессор П. И. Егоров, врач-терапевт; профессор А. И. Фель-

дман, врач-отоларинголог; профессор Я. Г. Этингер, врач-терапевт; профессор А. М. Гринштейн, врач-невропатолог; Г. И. Майоров, врач-терапевт. Объявленных «врачами-убийцами» заклеили и как наемных агентов иностранной разведки [13]. Сообщение ТАСС дополнялось передовой статьей «Правды» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», которая призывала к усилению революционной бдительности и борьбе с ротозейством [14].

Публикации «Правды» обсуждались во всех регионах страны. Информационные сводки о ходе обсуждения, подготовленные на местах, направлялись в ЦК КПСС. В выступлениях жителей Сталинска зафиксированы два основных момента, ставших повсеместными: требование применения к «врачам-вредителям» сурового наказания и необходимость соблюдения бдительности. Врач Сталинского ГИДУВа высказал свое мнение: «Трудно выразить свое возмущение и гнев к вредительской деятельности врачей-убийц. Наша профессия врача – самая гуманная, а наша медицинская наука – самая передовая, самая прогрессивная наука в мире. И здесь враги народа нашли место для своих гнусных преступлений. Это говорит за то, что мы еще мало бдительны. Я призываю весь наш коллектив к повышению революционной бдительности, а к этим преступникам применить самую суровую меру наказания – расстрел» [15, с. 154]. Студенты и преподаватели Сталинского педагогического института предложили «применить к врачам-отравителям высшую меру наказания, бороться за повышение политической бдительности, являющейся постоянно действующим оружием в руках нашего государства». Студенты вуза обязались повысить успеваемость «в ответ на происки американо-английской разведки» [16, с. 156]. Некоторые учащиеся школы ФЗО №12 требовали расстрела для «подлой банды» [17, с. 158].

«Дело врачей» повлекло за собой проверку и «чистку» кадров медицинских учреждений и медицинских институтов, репрессии врачей. В Сталинске основные события развивались вокруг Государственного института для усовершенствования врачей. Институт усовершенствования врачей был открыт 21 июня 1927 г. по решению СНК РСФСР при медицинском факультете Томского университета и имел в качестве клинических баз лечебные заведения. На их основе создавались первые 11 кафедр: социальной и экспериментальной гигиены, патанатомии, тера-

пии, хирургии, акушерства, оториноларингологии, офтальмологии, педиатрии, дерматовенерологии, обмена веществ. В 1931 г. институт перевели в Новосибирск. За годы пребывания в городе открылись 8 новых кафедр (нервных болезней, травматологии, инфекционных болезней и др.). В 1951 г. ГИДУВ переехал в Сталинск, где его основной клинической базой стала 1-я городская больница. ГИДУВ соединял в своей деятельности лечебно-педагогические и научно-исследовательские задачи [18, с. 285]. Он являлся единственным для Сибири и Дальнего Востока институтом усовершенствования врачей. Всего в СССР действовало 11 подобных институтов, два из них в системе Министерства здравоохранения РСФСР (в Казани и Сталинске) [19]. Многие сотрудники Сталинского ГИДУВа являлись выпускниками Томского университета и Новосибирского мединститута [20, л. 3–3об., 5, 14].

Развитие «дела врачей» в Сталинске в первую очередь связано со следующими обстоятельствами. В январе, феврале и первой половине марта 1953 г. в ГИДУВе дважды работала комиссия Министерства здравоохранения РСФСР, занимавшаяся проверкой деятельности учреждения и переаттестацией кадров доцентов и ассистентов, и комиссия Кемеровского обкома КПСС [21, л. 47]. Пристальное внимание к Сталинскому ГИДУВу было обусловлено и отсутствием в областном центре медицинского института. Мединститут в Кемерове появился только в 1956 г. Следует учитывать, что в Сталинске активно проходила кампания по борьбе с космополитизмом. Согласно сценарию сфабрикованного «дела КМК» (1949–1952 гг.), ряд ответственных работников Кузнецкого металлургического комбината им. И.В. Сталина обвинили в причастности к «нелегальной еврейской синагоге». На предприятии прошли проверка и «чистка» кадров, несколько ведущих специалистов репрессировали [8, с. 11–41].

3 февраля 1953 г. на заседании секретариата Кемеровского обкома КПСС рассматривался вопрос «О неудовлетворительной работе Сталинского института усовершенствования врачей». В обком партии поступила информация о неудовлетворительной работе учреждения и его «засоренности» лицами, не внушающими политического доверия. В связи с этим приняли решение направить для проверки института бригаду обкома партии во главе с секретарем обкома Е.З. Разумовым. В состав бригады вошли С.М. Рыцев, заместитель председателя облисполкома, К.М. Варивончик, заведующий административным отделом обкома партии, З.И. Шабалина, заместитель заведующего облздравотделом, М.Н. Горбунова, заведующая спецполиклиникой Кемерова, М.А. Подгорбунский, главный хирург областной больницы. В список проверяющих включили и представителя областной партийной школы. Созданной бригаде поручалось в течение

двух недель разобраться в сложившейся ситуации и доложить о результатах проверки на заседании бюро обкома партии [22, л. 11].

По итогам проведенной проверки была подготовлена Справка о работе Сталинского государственного института для усовершенствования врачей (от 20 февраля 1953 г.). Проверяющие пришли к выводу о подборе кадров института «в основном по национальному признаку, родственным и приятельским связям». В документе отмечалось, что «из 13 профессоров, заведующих кафедрами, 10 человек еврейской национальности, близкие родственники которых (жены, дети, братья и сестры) работают в качестве доцентов и ассистентов ряда кафедр и имеют между собой тесную связь». Приводились и примеры родственных связей. Так, ассистент кафедры патанатомии Б.Б. Фукс был сыном заведующего кафедрой хирургии профессора Б.И. Фукса; доцент кафедры хирургии М.П. Гуркова – женой заведующего кафедрой ЛОР-болезней, доцента А.Д. Гуркова; ассистент кафедры глазных болезней Н.С. Орлова – женой доцента кафедры хирургии Я.Л. Цивьяна; ассистент кафедры акушерства и гинекологии В.Н. Гранат – женой заведующего кафедрой детских болезней, профессора Е.Е. Граната; доцент кафедры патофизиологии И.Я. Некачалова – женой ассистента кафедры кожных болезней В.Я. Некачалова; профессор О.И. Шершевская, заведующая кафедрой глазных болезней, – сестрой заведующего кафедрой терапии профессора Г.М. Шершевского [23, л. 1–2]. Таким образом, то, что при благоприятных обстоятельствах обычно рассматривалось как начало медицинских династий, творчество единомышленников, здесь трактовалось как «семейственность». При этом совершенно не учитывалась работа родственников на разных кафедрах, в различных областях медицины.

В Справке особо подчеркивалось, что при попустительстве директора института Г.Т. Шикова на преподавательскую работу, в том числе на должности заведующих кафедрами, «проникло значительное число лиц, не внушающих политического доверия и не пригодных к научной и преподавательской работе». Среди них оказались шесть «наиболее провинившихся» заведующих кафедрами ГИДУВа. Найденные на них «компрометирующие материалы» дают возможность осмыслить идеологический фон «дела врачей».

Профессор И.И. Карцовник, еврей по национальности, беспартийный, заведовал кафедрой нервных болезней. В документе профессору дана яркая характеристика: «...в своих лекциях и выступлениях грубо вульгаризирует и опошляет марксистско-ленинскую материалистическую теорию, извращает павловское физиологическое учение. Политически безграмотен. Является ярким зажимщиком критики».

Профессор Б.И. Фукс, еврей, член КПСС, возглавлял кафедру хирургии. В его биографии «обнаружились» «темные пятна». Б.И. Фукс происходил из купеческой семьи. В 1919 г. служил в армии Колчака.

Доцент А.Д. Гурков, еврей, член КПСС, заведовал кафедрой ЛОР-болезней. Проверяющие пришли к выводу, что доцент неудовлетворительно руководит кафедрой, избегает сложных операций и зачастую безосновательно направляет больных в другие города страны.

Профессор Л.Г. Школьников, еврей, член КПСС, стоял во главе кафедры травматологии. Как выяснилось, Л.Г. Школьников «проявляет националистические тенденции, стремится протаскать на работу в институт лиц еврейской национальности, необоснованно расхваливает врачей-евреев и продвигает их по должности».

Профессор М.В. Могилев, еврей, беспартийный, заведовал кафедрой акушерства и гинекологии. В вину профессору поставили сведения о «ложной» национальности (в анкетах писал: «русский»). По утверждению документа, профессор развалил работу вверенной ему кафедры, «допускал действия, граничащие с преступностью», совершал аморальные поступки, был политически безграмотным.

Профессор О.И. Шершевская, еврейка, беспартийная, возглавляла кафедру глазных болезней. Ее муж был арестован органами МГБ. Сама заведующая «проявляла большую активность в перетаскивании на работу в институт лиц из еврейской национальности. Кафедра глазных болезней почти на 100% укомплектована лицами из евреев» [23, л. 2–5].

В числе «лиц, скомпрометировавших себя в прошлом», значился профессор В.А. Пулькис. Он известен как основатель кафедры гигиены, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, заслуженный деятель науки РСФСР [18, с. 285; 23, л. 6].

Обвинения в содействии лицам «подозрительной» национальности были подкреплены конкретными примерами. Так, Б.И. Фукс добился перевода из Новосибирска и принял на свою кафедру ассистентом Я.Л. Цивьяна, зарекомендовавшего себя «неквалифицированным и бесперспективным работником». В биографии ассистента нашелся «компромат»: в 1924–1936 гг. он жил в Харбине, в 1937 г. его отца репрессировали. При содействии Б.И. Фукса в институт прибыл и А.Д. Гурков. На кафедре травматологии у Л.Г. Школьниковой работал доцент А.М. Зыман, не оправдавший себя в научно-педагогической деятельности. Его отец после Первой мировой войны остался в Германии. Сам А.М. Зыман имел родственников в Польше и Палестине, а в 1913–1914 гг. проходил обучение в Швейцарии. Отца его жены репрессировали в 1937 г. Кроме того, профессор Л.Г. Школьников пытался перевести в институт из Ленинграда врача Г.Л. Эдельштейна, ранее проживавшего в Харбине

и имевшего репрессированного брата. Когда это сделать не удалось, Г.Л. Эдельштейн был устроен на должность главного хирурга Сталинска, хотя и не соответствовал назначению [23, л. 3–5].

В контекст изложенного хорошо вписывается история с проведением в ГИДУВе конкурса на замещение вакантных должностей. Согласно данным последнего конкурса, прошедшего в 1952 г., из 24 поданных заявлений 22 принадлежало евреям, одно – грузину, одно – русскому [23, л. 6].

В то же время бригада обкома КПСС выявила причины недостатков в работе института, лежавшие в стороне от «национального вопроса». Две первые из них связаны со сложностями обустройства на новом месте. При переводе института в Сталинск значительная часть специалистов высокой квалификации осталась в Новосибирске. У института имелись проблемы с размещением в Сталинске. Третья причина проистекала из невнимания областного отдела здравоохранения и Сталинского горздравотдела к проблемам ГИДУВа [23, л. 17–18].

Одновременно с проверкой в ГИДУВе Сталинский горздравотдел счел нужным навести порядок в отношении врачей-совместителей. Еще в 1952 г. контрольно-ревизионное управление Министерства финансов СССР по Сталинску провело ревизию, показавшую, что администрация лечебных учреждений без ведома горздравотдела разрешала совместительство врачей, нарушая существующее законоположение и производя оплату за фиктивные часы работы (акт от 14 июня 1952 г.). В числе необоснованно занимавших ставки и тем самым наносящих ущерб государству оказались Н.С. Рохлин, Г.Н. Изак, Л.Н. Маркович, Марьясис, Шерман, Яковлева, Герасимова, Нахильсон, Негопотьян и другие врачи. В условиях наступления на медицинские кадры последовал приказ от 13 февраля 1953 г., разрешавший совместительство только по распоряжению горздравотдела. Во всех медицинских учреждениях устанавливался строгий контроль за временем нахождения персонала на рабочих местах. Допускавшим «лишние» выплаты грозили снятие с работы и предание суду [24, л. 24].

К вопросу о работе Сталинского ГИДУВа вернулись на заседании бюро Кемеровского обкома КПСС 18 марта 1953 г. Здесь присутствовали директор института Г.Т. Шиков, выступивший с докладом, первый секретарь Сталинского горкома партии В.И. Карпов, секретарь партийного бюро ГИДУВа В.А. Рогулин, представитель Министерства здравоохранения РСФСР полковник медицинской службы П.Д. Диваков, секретарь обкома партии Е.З. Разумов. Руководство института обвинялось в «грубом нарушении партийного принципа подбора и расстановки кадров по политическим и деловым признакам». Был сделан вы-

вод, что профессорско-преподавательский состав института комплектовался в первую очередь исходя из национальной принадлежности, родственных и приятельских связей. В итоге в коллективе «сложилась обстановка, способствовавшая проявлению буржуазного национализма». На заседании бюро отмечалось: «Работники большинства кафедр (по неполным данным, 25 человек, в том числе 7 ведущих кафедр) имеют между собой близкие родственные связи – жены, дети, братья и сестры. Среди руководителей кафедр, профессоров и преподавателей оказались лица, не внушающие политического доверия и имеющие крайне низкие показатели в учебной, научной и лечебной работе (профессор Фукс Б.И., проф. Могилов М.В., проф. Розенберг А.Р. и др.)» [25, л. 61–62].

В качестве серьезных недостатков в работе института назывались следующие: отсутствие выявления грубых ошибок при обследовании, диагностике и лечении больных; слабая разработка проблем краевой патологии; неудовлетворительная постановка усовершенствования и специализации врачей-курсантов [25, л. 63–64].

Бюро обкома КПСС обязало руководство института «ликвидировать негодную практику подбора работников по национальному признаку, родственным и приятельским связям». Г.Т. Шикова сняли с работы с формулировкой: «За притупление политической бдительности в деле подбора и расстановки профессорско-преподавательских кадров, безответственное отношение к исполнению своих служебных обязанностей и неудовлетворительное руководство институтом». Ему был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку [25, л. 65, 68]. Но еще некоторое время Г.Т. Шиков продолжал оставаться на занимаемой должности.

В данном случае нельзя не коснуться подробнее вопроса об условиях, в которых с момента переезда в Сталинск протекала работа института и на которые проверяющим следовало бы обратить внимание в первую очередь. Важнейшей являлась проблема, связанная с серьезным недостатком кадров. Из утвержденных на 1953 г. 108 единиц профессорско-преподавательского состава имелось в наличии лишь 64. Согласно штатному расписанию, 18 кафедр должны были возглавлять доктора наук, профессора. В реальности же только 13 кафедр возглавляли профессора. На трех кафедрах обязанности ведущих временно исполняли доценты, на двух – ассистенты, имевшие ученую степень.

Сложившееся положение во многом обусловлено неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями и условиями для научно-педагогической работы. В 1953 г. 21 семья сотрудников проживала в общежитии. Эта же перспектива грозила и прибывавшим в ГИДУВ. Принимаемым работникам не

выплачивались подъемные. В больницах врачебный штат был заполнен только на 50%, и поэтому фактическое обслуживание больных ложилось на плечи профессорско-преподавательского состава ГИДУВа. Здание института не было достроено, а его территорию своевременно не благоустроили. Учреждение оставалось без вивария, морга и гаража. При переезде ГИДУВ лишился оборудования и инвентаря, которыми пользовался совместно с Новосибирским медицинским и другими институтами. Дополнительную роль здесь сыграли трудности с перевозкой и отсутствие необходимых помещений в Сталинске.

Институт испытывал дефицит административно-хозяйственных кадров. При имевшихся трех общежитиях штат утвердили исходя из одного. По причине отсутствия кадров не действовала бойлерная, не работала радиотелефонная сеть, не велась демонстрация учебных фильмов, возникла проблема с доставкой врачей-курсантов на дальние лечебные базы. Финансирование не учитывало всех трудностей, встававших в период становления учреждения. В сложных условиях ГИДУВ подготовил только для Кемеровской области в 1951 г. 123, в 1952 г. – 135, в 1953 г. – 139 специалистов [26, л. 1, 3–4, 137–138].

4 апреля 1953 г. «Правда» опубликовала сообщение МВД СССР о прекращении «дела врачей». Сообщение содержало информацию о незаконном аресте проходивших по «делу врачей», ложности выдвинутых против них обвинений и их полной реабилитации. Указывалось, что «лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности» [27]. Через два дня «Правда» вышла с передовой статьей «Советская социалистическая законность неприкосновенна». Она начиналась с пояснения по поводу недавнего сообщения МВД СССР. Авторы вопрошали: «Как могло случиться, что в недрах Министерства государственной безопасности СССР, призванного стоять на страже интересов Советского государства, было сфабриковано провокационное дело, жертвой которого явились честные советские люди, выдающиеся деятели советской науки?» [28].

Но и после реабилитации «врачей-вредителей» в событиях в Сталинске не была поставлена точка. Постановление бюро Кемеровского обкома КПСС от 18 марта 1953 г. обсуждалось на закрытом собрании первичной партийной организации Сталинского ГИДУВа 10 апреля 1953 г. Выступивший с докладом секретарь партбюро В.А. Рогулин сообщил, что комиссия Кемеровского обкома КПСС и комиссия Министерства здравоохранения РСФСР установили «вопиющие факты политической безграмотности со стороны ряда профессоров (Райзман, Могилов, Розенберг и др.), доцентов (Степанов и др.), ассистентов (Самышкина, Тихонова, Бернштейн, Кочнева и др.), которые не смогли ответить ни на один вопрос по

труду И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и материалам XIX съезда партии, а также по другим вопросам марксизма-ленинизма». В результате неизбежными оказались недостатки в работе. В.А. Рогулин призвал к мобилизации сил учреждения на устранение обнаруженных и выявление новых «недочетов».

Партийное собрание обязало партбюро к 17 апреля 1953 г. разработать план мероприятий по выполнению постановления бюро обкома партии. Подобное требование предъявлялось и директору Г.Т. Шикову. Особо отмечалась необходимость изменения кадровой политики в институте. В.А. Рогулин, Г.Т. Шиков и заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Р.И. Корель должны были «обеспечить повышение уровня идейно-политического воспитания врачей-курсантов и сотрудников института» [21, л. 45, 46, 53, 54]. В соответствии с принципами функционирования партийной системы, требовавшими безоговорочного выполнения постановлений «сверху», на повестке дня по-прежнему стояла тема, уже утратившая политическую актуальность.

Одновременно с идеологическим ударом по кадрам Сталинского ГИДУВа вызревал и удар репрессивный. Уголовное дело было сфабриковано в отношении трех докторов медицинских наук, профессоров. Это М.В. Могилев, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии, А.Р. Розенберг, заведующий кафедрой микробиологии, И.И. Карцовник, заведующий кафедрой нервных болезней. Все они, как уже отмечалось, находились «на заметке» у местных властей.

Представляется очевидным, что именно в связи с проводившимися проверками в ГИДУВе подготовили служебно-производственные характеристики на сотрудников учреждения (от 20 января 1953 г.). Характеристики подписали исполняющий обязанности директора П.Т. Приходько и секретарь партбюро В.А. Рогулин. Закономерно, что на всех названных профессоров нашлись «компрометирующие материалы». За М.В. Могилевым «числились» отсутствие организованности, недостаточный порядок на возглавляемой им кафедре, «аморальное поведение» [29, л. 582]. А.Р. Розенберг, читая курс теоретической микробиологии, не избежал «ошибок», в том числе «механически перенес учение Лысенко о стадийности развития растений в микробиологию» [30, л. 10]. И.И. Карцовник не терпел критики. Он представил в партбюро на консультацию доклад, содержавший «грубые идеологические ошибки». Кроме того, профессор при приеме кандидатских экзаменов зависил оценку своему ассистенту. И.И. Карцовник также был обвинен в «аморальном поведении» [31, л. 360].

Серьезные испытания выпали на долю М.В. Могилева, которого подвергли суровой критике. 17 февраля 1953 г. прошло заседание Совета Сталинского

ГИДУВа с участием членов бригады Кемеровского обкома КПСС. На заседании был поставлен вопрос «О работе кафедры акушерства и гинекологии за 1952 год». Первоначально присутствующие заслушали отчет заведующего кафедрой и содоклад председателя комиссии по обследованию кафедры профессора А.Н. Аравийского, а затем выступили члены совета института. В постановлении совета ГИДУВа нашли отражение достижения кафедры: «В деятельности кафедры акушерства и гинекологии имеются некоторые положительные стороны (хорошая организация операционного блока, положительные отзывы курсантов о некоторых лекциях профессора Могилева М.В., высокая оперативная техника проф. Могилева М.В.)». Но недостатков было выявлено несравнимо больше. К их числу относились «крайне низкий уровень» идейно-политической работы, неудовлетворительная организация педагогической и научной работы, помощи органам здравоохранения, недостаточная организация лечебно-профилактической работы, отрыв теории от практики в изучении павловской физиологии, отсутствие у заведующего кафедрой авторитета в коллективе. В итоге совет поставил перед руководством института вопрос о несоответствии М.В. Могилева занимаемой должности [29, л. 618, 638–639].

16 марта 1953 г. вышел приказ по Сталинскому ГИДУВу №71 об увольнении И.И. Карцовника, А.Р. Розенберга и М.В. Могилева [29, л. 579]. В тот же день заместитель прокурора Кемеровской области по спецделам П.Ф. Шамарин в совершенно секретном донесении исполняющему обязанности начальника отдела по спецделам Прокуратуры СССР А. Д. Камочкину сообщал о том, что областным управлением МГБ арестованы Б.И. Фукс, М.В. Могилев, А.Р. Розенберг, И.И. Карцовник. Все они якобы являлись «участниками еврейско-буржуазной националистической группы», существовавшей в Сталинском ГИДУВе, и вершили контрреволюционную деятельность. Обвинение конкретизировалось: «Группировали вокруг себя лиц еврейской национальности, в лекциях, читаемых для курсантов-врачей, протаскивали буржуазную идеологию, принижали достоинство и приоритет русских ученых, создавали невыносимые условия для работы в больнице русским врачам и старались выжить их с работы». Действия арестованных квалифицировались по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 УК РСФСР [32, л. 1]. Статья 58-10 карала за контрреволюционную пропаганду и агитацию (ч. 2 – особо тяжкий вид преступления, в данном случае – использование национальных предрассудков), 58-11 – за участие в контрреволюционной организации [33, с. 73-75].

Но впоследствии А.Д. Камочкин был информирован о том, что 14 марта 1953 г. арестовали А.Р. Розенберга, И.И. Карцовника, М.В. Могилева, а Б.И. Фукс не подвергался аресту, следствие не проводилось по

причине его болезни [32, л. 4]. Согласно приказу по ГИДУВу №25 от 30 января 1953 г., заведующий кафедрой хирургии числился больным с 28 января. На тот момент к Б.И. Фуксу имелись претензии, связанные с недостаточным контролем за работой хирургической клиники [34, л. 217–218].

В ходе следствия картина обвинений дополнилась, были «выявлены» факты «несоответствующих» высказываний врачей, касающихся положения еврейского населения в СССР. Так, А.Р. Розенберг заявил, что правительство проводит политику недоверия по отношению к евреям. Одобрив образование государства Израиль, он говорил: «Вот видите, нам – евреям, помогает Трумэн, и коль Советское правительство признало еврейское государство, то это будет иметь положительное значение для самостоятельности еврейского населения». И.И. Карцовник подчеркивал партийно-государственный курс на устранение евреев с руководящей работы и из идеологической сферы. М.В. Могилев считал, что после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. политика ЦК партии и правительства по отношению к евреям изменилась: последовали притеснения и увольнения с ответственных должностей. Исходя из подобных соображений профессор «в 1947 году изменил свою национальность и с тех пор выдавал себя за русского». Идеологический блок обвинений профессоров дополнили «вульгаризацией марксистско-ленинской материалистической теории, извращением павловского физиологического учения». А.Р. Розенбергу и И.И. Карцовнику приписывались «космополитические взгляды».

Во время следствия использовались факты нарушений в работе кафедр, возглавлявшихся А.Р. Розенбергом, И.И. Карцовником и М.В. Могилевым. Кроме того, И.И. Карцовник и М.В. Могилев обвинялись в «преступно-халатном отношении» к лечению больных. «Установили», что М.В. Могилев брал взятки с родственников больных [32, л. 4–6].

Когда проводилось следствие, в Москву из Новосибирска прибыла дочь профессора И.И. Карцовника. В сохранившемся рукописном тексте ее жалобы Генеральному прокурору СССР говорится: «Беспокоясь о состоянии здоровья своего 57-летнего отца, который много болеет даже в обстановке специального домашнего ухода, я еще раз Вас убедительно прошу проверить и ускорить ход следствия и проверить обоснованность и законность ареста. Двое других арестованных в тот же вечер: профессор Могилев и профессор Розенберг» [32, л. 3–3об.].

Исходя из недоказанности контрреволюционных обвинений, подпадения других обвинений, выдвинутых против М.В. Могилева и И.И. Карцовника, под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» (от 27 марта 1953 г.), уголовное дело было прекращено 30 апреля 1953 г. А.Р. Розенберга, И.И. Карцовника и М.В. Могилева из-под стражи

освободили [32, л. 6]. Сохранилась копия справки, выданной А.Р. Розенбергу Управлением МВД по Кемеровской области 30 апреля 1953 г. Она свидетельствует о том, что он находился в заключении с 14 марта по 13 апреля 1953 г. [30, л. 8].

4 мая 1953 г. последовал приказ по Сталинскому ГИДУВу №116, подписанный Г.Т. Шиковым, отменявший приказ №71 об увольнении профессоров [29, л. 579]. Все они были восстановлены в занимаемых ранее должностях заведующих кафедрами [29, л. 575; 30, л. 5; 31, л. 355]. Сам доцент Г.Т. Шиков оставался директором института до июня 1953 г. Ему на смену был назначен профессор А.Н. Аравийский [2, с. 22].

Преследования, развернувшиеся в институте, затронули доктора медицинских наук, профессора О.И. Шершевскую. Служебно-производственная характеристика заведующей кафедрой глазных болезней от 20 января 1953 г. безупречна. Последующая характеристика профессора (от 4 апреля 1953 г.) дополнена указанием на частую нетрудоспособность, вызванную хроническим заболеванием [35, л. 203, 206]. На последнее обстоятельство вполне могла повлиять обстановка «дела врачей». Не стоит забывать о появившихся в феврале 1953 г. обвинениях в содействии врачам-евреям. Как компрометирующие О.И. Шершевскую фигурировали факты работы в одном учреждении с двоюродным братом и ареста мужа [23, л. 2, 5; 6, с. 16].

В период «дела врачей» заведующему кафедрой терапии Г. М. Шершевскому официально было указано на одну «недоработку», зафиксированную в служебно-производственной характеристике от 20 января 1953 г.: «Недостаточно активно организует в терапевтической клинике изучение профессиональных заболеваний металлургов и шахтеров» [36, л. 360]. Безусловно, что в любой момент доктор медицинских наук, профессор Г.М. Шершевский мог оказаться среди «неудобных лиц» ввиду своей национальной принадлежности. Кроме того, он позволил себе обратиться к властям с протестом против обвинений в адрес работников института и защищал собственных сотрудников [3, с. 10].

Ф.Л. Корнеман, муж О.И. Шершевской, работал преподавателем строительного техникума в Сталинске. 14 февраля 1953 г. он был арестован Управлением МВД по Кемеровской области. Преподаватель обвинялся в проведении в годы войны и в послевоенное время антисоветской агитации, клевете на советскую действительность, высказывании недовольства условиями жизни в СССР, восхвалении американской техники и условий жизни в капиталистических странах. При этом он рассматривался как «буржуазный еврейский националист по убеждениям». 11 апреля 1953 г. следствие завершилось. 16 июня 1953 г. судебная коллегия по уголовным делам Кемеровского областного суда

приговорила Ф.Л. Корнемана по ст. 58-10 УК РСФСР к 7 годам исправительно-трудового лагеря. Однако судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело в кассационном порядке, определением от 16 июля 1953 г. вынесенный приговор отменила, а дело возвратила на доследование со стадии предварительного следствия. Приговором Кемеровского облсуда от 19 января 1954 г. Ф.Л. Корнеман был осужден по ст. 58-10 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» (от 27 марта 1953 г.) осужденного от отбытия наказания освободили со снятием судимости. Во время следствия О.И. Шершевская обращалась в Прокуратуру СССР с ходатайством об ускорении расследования дела мужа [37, л. 14, 15, 17–18, 23].

Кемеровский обком КПСС снял обвинения политического характера с профессоров ГИДУВа только в 1956 г. На состоявшемся 4 сентября 1956 г. заседании бюро обкома партии поднимался вопрос «О недостатках в работе Сталинского института усовершенствования врачей». Принятое решение отменяло формулировку постановления бюро обкома от 18 марта 1953 г. «не внушающие политического доверия» в отношении Б.И. Фукса, М.В. Могилева и А.Р. Розенберга.

Но сохранялось заключение о присутствии в институте «семейственности» [11, с. 139–140].

«Дело врачей» в Сталинске отразило процессы, протекавшие в рассматриваемое время во всех регионах страны. Оно стало реализацией политики, связанной с проверкой и «чисткой» кадров медицинских учреждений, репрессиями. Отчетливо заявила о себе позиция партийного руководства Кемеровской области, ориентировавшегося на установки «сверху». Одновременно присутствовала попытка объяснить причины имевшихся в институте проблем, обусловленных трудностями становления на новом месте, уже традиционным путем: происками «врагов». Выдвинутые обвинения отчетливо вписывались в идеологические штампы борьбы с космополитизмом и «дела врачей». Но массовая «чистка» кадров в Сталинском ГИДУВе сдерживалась дефицитом специалистов. Однако итог «дела врачей» в Сталинске мог быть совершенно иным, если бы смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. не повлекла за собой смягчение политического режима в СССР, изменения в идеологической сфере. Продолжение кампании после реабилитации «врачей-вредителей» в апреле 1953 г. связано с действием в стране механизма политической инерции.

Библиографический список

1. Брель, В.Н. Развитие высшей школы и науки в Кузбассе в послевоенный период (1945–1955 гг.) / В.Н. Брель. // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории : сб. научных трудов / отв. ред. Л. И. Гвоздкова. – Кемерово, 1999.
2. Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей: Юбилейное издание, посвященное 75-летию ГИДУВа / ред. А.А. Луцки; сост. О.М. Галыгина, Л.И. Фойгт. – Новокузнецк, 2002.
3. Ольшанский Г.С. Прекрасный ученый и врач божьей милостью Г.М. Шершевский / Г.С. Ольшанский. – Новокузнецк, 2003.
4. Ольшанский, Г.С. Профессор И.И. Карцовник – зав. кафедрой невропатологии ГИДУВа с 1944 по 1961 год / Г.С. Ольшанский. – Новокузнецк, 2003.
5. Ольшанский, Г.С. Основоположник Новокузнецкой хирургической школы профессор Б.И. Фукс / Г.С. Ольшанский. – Новокузнецк, 2004.
6. Ольшанский, Г.С. Профессор О.И. Шершевская – видный офтальмолог, зав. кафедрой глазных болезней Новокузнецкого ГИДУВа (с 1943 по 1972 г.) / Г.С. Ольшанский. – Новокузнецк, 2004.
7. Ольшанский, Г.С. Профессора Сталинского (Новокузнецкого) ГИДУВа: С.С. Райзман, Е.Е. Гранат, М.В. Могилев, А.Д. Гурков, А.Р. Розенберг / Г.С. Ольшанский. – Новокузнецк, 2004.
8. Генина, Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) / Е.С. Генина. – Красноярск, 2003.
9. Генина, Е.С. Новая страница кузбасского «дела врачей» / Е.С. Генина // Актуальные проблемы отечественной истории XX века : сб. научных трудов / отв. ред. К. А. Заболотская. – Кемерово, 2005.
10. Сизов, С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (на материалах Западной Сибири) : в 2-х ч. / С.Г. Сизов. – Омск, 2001. – Ч. 1.
11. Коновалов, А.Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991) / А.Б. Коновалов. – Кемерово, 2004.
12. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953 – 1991 : аннотированный каталог / под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко ; сост. О.В. Эдельман. – М., 1999.
13. Арест группы врачей-вредителей // Правда. – 1953. – 13 янв.
14. Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Правда. – 1953. – 13 янв.
15. Из информации секретаря Кемеровского обкома КПСС М. Гусева заместителю заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е.И. Громову об откликах жителей Кузбасса на сообщение ТАСС и передовую «Правды» об аресте группы «врачей-вредителей». 24 января 1953 г. // Неизвестный Кузбасс. Вып. 2: Тоталитарная система: Палачи и жертвы : сб. архивных документов / под общ. ред. В.А. Сергиенко. – Кемерово, 1995.
16. Из информации секретаря Кемеровского обкома КПСС М. Гусева заместителю заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е.И. Громову об откликах жителей Кузбасса на сообщение ТАСС и передовую «Правды» об аресте группы «врачей-вредителей». 27 января 1953 г. // Неизвестный Кузбасс. Вып. 2: Тоталитарная система: Палачи и жертвы : сб. архивных документов / под общ. ред. В.А. Сергиенко. – Кемерово, 1995.
17. Из информации секретаря Кемеровского обкома КПСС М. Гусева заместителю заведующего отделом пар-

тийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е.И. Громову об откликах жителей Кузбасса на сообщение ТАСС и передовую «Правды» об аресте группы «врачей-вредителей» 28 января 1953 г. // Неизвестный Кузбасс. Вып. 2: Тоталитарная система: Палачи и жертвы : сб. архивных документов / под общ. ред. В.А. Сергиенко. – Кемерово, 1995.

18. Вержбицкий, Г.В. Институт усовершенствования врачей государственный (ГИДУВ) // Историческая энциклопедия Кузбасса : в 3 т. / редкол.: В.В. Бобров, З.Г. Карпенко, А.И. Мартынов и др. – Познань, 1996. – Т. I.

19. Шиков, Г. Новый вуз в Кузбассе / Г. Шиков // Кузбасс (Кемерово). – 1951. – 29 авг.

20. Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке (ГАКО (Н)). – Ф. Р-204. – Оп. 1. – Д. 2 а.

21. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф. П-1104. – Оп. 1. – Д. 26.

22. ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 7. – Д. 225.

23. ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 7. – Д. 252.

24. ГАКО (Н). – Ф. Р-18. – Оп. 3. – Д. 47.

25. ГАКО. – Ф. П-75. – Оп. 7. – Д. 212.

26. ГАКО (Н). – Ф. Р-204. – Оп. 1. – Д. 3.

27. Сообщение Министерства внутренних дел СССР // Правда. – 1953. – 4 апр.

28. Советская социалистическая законность неприкосновенна // Правда. – 1953. – 6 апр.

29. Архив Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей (А НГИДУВа). Личное дело М.В. Могилева.

30. А НГИДУВа. Личное дело А.Р. Розенберга.

31. А НГИДУВа. Личное дело И.И. Карцовника.

32. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-8131. – Оп. 31. – Д. 37330.

33. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И.Т. Голякова. – 2-е изд. – М., 1944.

34. А НГИДУВа. Личное дело Б.И. Фукса.

35. А НГИДУВа. Личное дело О.И. Шершевской.

36. А НГИДУВа. Личное дело Г.М. Шершевского.

37. ГАРФ. – Ф. Р-8131. – Оп. 31. – Д. 39886.